

Иногда в нашей жизни происходят события, воспоминания о которых спустя много лет порождают какое-то необъяснимое, светлое и одновременно щемящее чувство. Вот и сейчас, проходя мимо больших серых пней, полуистлевших и поросших какими-то мелкими грибами, я вспоминаю то золотое время, когда на их месте красовались огромные тополя.

Это было в самом конце весны, которая выдалась в тот год ранней и тёплой. Листья на деревьях уже распустились и радовали своей яркой сочной зеленью, ещё не поблёкшей под пылью грядущего лета. Воздух, наполненный приятным запахом молодых тополиных листьев, смешанный с божественным ароматом цветущей черёмухи, представлял собою густой великолепный настой, который хотелось вдыхать бесконечно. Сами же тополя, как гигантские исполины, высоченные, с мощными стволами, здоровенными сучьями, торчащими в разные стороны, чувствовали себя совершенно вольготно и шумели на ветру нарядной зеленеющей кроной.

Тогда я ещё не знал, что это лето будет для них последним, но догадывался, что судьба старых тополей предрешена. На такие грустные размышления наводил сильнейший ураган, пронёсшийся годом ранее над нашим небольшим городком. Очень много старых деревьев, в основном больших, но хрупких тополей, было вырвано с корнем, переломано и повалено. Повреждёнными

оказались крыши домов, линии электропередач, неудачно припаркованные автомобили. Последствия от разгула небывалой стихии тогда больше месяца устраняли коммунальные службы Лесосибирска, прежде чем непроходимые завалы были разобраны.

В тот год, в который вернули меня воспоминания, вдоль основных магистралей нашего города и в примыкающих к ним улицах и переулках спиливались тополя и на большегрузных машинах вывозились куда-то за город.

В один из майских дней и в нашем тихом районе экспедиции заработали бензопилы.

Происходящее вызывало у меня двойственные чувства: с одной стороны, было жалко гигантских исполинов, наполнявших воздух целебным кислородом и неповторимым ароматом, а с другой стороны, не могло не радовать, что наконец-то не будет надоедливого тополиного пуха, падающего белым снегом в июльскую жару, перекатываемого ветром по всей округе и залетающего в квартиры, не будет обломанных сучьев, раскиданных каждый раз в большом количестве после сильного ветра, не будет оборванных проводов, из-за чего подолгу приходилось сидеть без света.

Местная ребятня, привлечённая необычностью события, крутилась поодаль от работавшей техники, наблюдая за происходящим.

Вечером, придя с работы, я обратил внимание на странное поведение своей дочери, которая, то и дело забегая с улицы, прихватив что-нибудь из съестного, немножко, чисто для приличия, покрутившись на кухне, тут же устремлялась обратно.

Закончив пить чай, я взялся за разгадку её странного поведения и вскоре оказался на том самом месте, где днём работали бензопилы и большегрузная техника.

Ещё издали я заметил толпу ребятшек, сверстников Ирины, которые, о чём-то оживлённо болтая, размахивали руками. Увлечённые разговором, они не заметили, как я подошёл, а я, стараясь быть серьёзным, со всей строгостью в голосе спросил:

— Что вы тут делаете?

— Птенцов кормим! — раздался радостный возглас пацанёнка, не испугавшегося такого грозного дядю.

— Каких птенцов? — продолжил я беспомощно строитьсь.

Ребятня ответила почти хором:

— Сорочат.

Когда толпа расступилась и дала мне возможность подойти поближе, я заметил стоящую на земле возле забора выпиленную часть ствола с макушки тополя, похожую на здоровенную рогатку, где на развилке расположилось сорочье гнездо.

Гнездо было сделано из разных сухих веток, с боковым входом, а сверху закрыто такими же веточками, что то наподобие крыши. Птенцов не было видно, если специально не приглядываться. Только писк, доносившийся из гнезда, говорил, что оно заселено жильцами.

— Тополь спилили, а на нём гнездо сорочье на макушке, — услышал я за спиной голос местного дворника Михалыча, известного в округе любителя пернатой живности. — Вот теперь с ребятнёй птенцов и кормим. Курицу отварил, принёс им подкрепиться. Сороки теперь их бросят, кормить не будут. Во-о-он они сидят, стрекочут.

Михалыч показал рукой на берёзу, стоящую поодаль через дорогу, где среди раскидистых веток сидела пара сорок и обречённо смотрела на происходящее, оплакивая стрекотом своих несчастных деток.

А в это же самое время птенцы, то вместе, то попеременно вытягиваясь на худеньких длинных ножках из копошащегося клубка, высывая из гнезда головы с невероятно широко раскрытыми клювами, настойчиво требовали пропитания.

Их было четверо, слегка оперившихся и не понимающих, что сегодня они так близко столкнулись с человеком, которого их родители, живя поблизости, старались всячески избегать.

Гнездо было сделано почти на самой макушке тополя, куда ни человек, ни домашняя кошка никогда бы не смогли добраться, а вот сейчас оно стояло на жалком обрубке от древесного исполина, и даже малые дети запросто могли до него дотянуться.

— Михалыч, кошки ночью сожрут птенцов, — забота о будущем птичьего выводка, вступил я в разговор с подошедшим дворником. — У меня дома есть пустующий вольер, давай я их заберу.

— Забирай, — с радостью в голосе ответил Михалыч. И через некоторое время добавил, соглашаясь: — Сожрут, конечно.

Когда кормление птенцов закончилось и у кормильцев не осталось ничего съестного, я взял, как знамя, тополиный обрубок с гнездом и, сопровождаемый толпой галдящих ребятишек, понёс к себе во двор внезапно свалившееся счастье.

Во дворе, прежде чем поставить гнездо в вольер, мы с дочкой подошли к окну дома, и я тихонечко постучал.

— Тебе подарок! — показывая на обрубок с гнездом, решил я обрадовать жену в преддверии её дня рождения таким оригинальным подарком.

Лица дарителей растянулись в довольной и благодатной улыбке.

Судя по тому, что одариваемая выразительно pokrutila пальцем у виска и, нахмутив брови, задёрнула штору, мы поняли, что наш подарок не произвёл должного впечатления и, скорее всего, не понравился.

Огорчённые такой неожиданностью, стерев с лиц глупые улыбки, мы с Ирой побрели к вольеру, где водрузили гнездо в правый дальний угол, натыкали в ячейки ограждения веток с зелёными листьями, создавая интерьер тополиной кроны.

Так началась наша новая жизнь, наполняемая неповторимыми красками и самыми яркими впечатлениями, — жизнь птицевладельцев.

С утра, едва открыв глаза, дочка бежала в огород добывать червей для невероятно прожорливых птенчиков, а я отваривал курицу перед уходом на работу. После чего начинался увлекательнейший процесс кормления, когда в четыре руки мы едва успевали отправлять кусочки пищи в невероятно широко раскрытые пищащие клювы, за которыми красным цветом как будто бушевало пожараще.

Через несколько минут птенчики насыщались, успокаивались и мирно засыпали одним копошащимся клубком.

В первые дни после того, как новые жильцы поселились в нашем пустующем вольере, возле него поблизости часто можно было увидеть пару взволнованных сорок — безутешных родителей птенцов, и у нас тут же возникла гениальная идея привлечь их к воспитанию своих деточек.

В один из ближайших вечеров, привязав гнездо с тополиной рогатиной к большому деревянному шесту, мы подняли его высоко над крышей гаража, а сами стали наблюдать за происходящим из окна дома.

Несколько раз взрослые сороки подлетали к необычному сооружению, вселяя в нас надежду, что, повинувшись природному инстинкту, продолжат воспитание своего потомства, но птицы, летая поблизости, кормить не собирались, а только тревожно стрекотали.

Наутро ситуация нисколько не поменялась, зато нездоровый интерес к невесть откуда появившемуся птичьему дому, открытому всем ветрам, стали проявлять вороны, нагло громоздясь на крышу гнезда и пытаясь пробраться в сиротливое жилище. Поразмыслив, мы поняли, что другого выхода, кроме как вернуть приёмных воспитанников в защищённый вольер, у нас просто нет.

Устроив гнездо на прежнем месте, мы испили новую порцию огорчений: два птенчика, не выдержав тяжёлого испытания и длительного перерыва в кормлении, покинули наш беспокойный и суровый мир.

Несколько дней мы с Ирой ходили убитые горем от результата неудачного эксперимента и, чувствуя свою вину за преждевременную кончину пернатых, старались загладить её усиленной кормёжкой птенцов. Делали мы это так увлечённо и самозабвенно, что супруга, которая совсем недавно столь легкомысленно отказалась от необычного подарка, подключилась к процессу кормления, установила свой жёсткий график, разработала меню и стала умело дирижировать процессом, требуя нашего беспрекословного подчинения. По всему было видно, что она, хоть и старается скрывать, очень сильно сожалеет о своём необдуманном поступке, в результате которого не стала законной владелицей такого чудесного подарка.

А между тем наши воспитанники росли не по дням, а по часам. Насыщаясь, они тут же переходили к отдыху, а затем высовывали в отверстие входа свои худые, покрытые мелким пушком задницы и выстреливали в белый свет. Судя по тому, что ни в кого из домочадцев за всё время пребывания в нашем вольере птенцы ни разу не попали, стреляли они, не целясь, в «белый свет как в копейку», только для того, чтобы снять возрастающее внутреннее напряжение и соблюсти чистоту своего жилища, не оборудованного благом цивилизации — унитазом.

Совсем скоро, одним солнечным утром, нашему взору предстали два красивых сорочонка чёрно-белой раскраски, сидящих рядышком, крыло к крылу, на засыхающих тополиных ветках.

Птенцы оживились и обрадовались нашему приходу, а мы старались определить: кто есть кто?

Этот, который немножко покрупнее и побойчее, — Сёма, а второй птенчик, спокойный и неторопливый, с плавными движениями, явно относящийся к женской породе, — точно Соня. Таким было наше общее заключение.

Пернатые обзавелись именами примерно через неделю после появления в пустующем вольере, когда птицевладельцы научились их мало-мальски различать.

Соня и Сёма к своим именам уже давно привыкли, откликались на них и держались всегда вместе. Ещё какое-то недолгое время ночевать они возвращались в гнездо, а с рассветом выбирались на ветки; посидев немного в одном месте, они перелетали на другую ветку, с интересом изучая мир за сеткой вольера, пока однажды дверь вольера не распахнулась перед ними.

С некоторой робостью подростки и окрепшие птенцы пролетели над вскопанной землёй, где была посажена картошка, и уселись на деревянную решётку возле кустов малины. С этого момента решётка и кусты малины стали излюбленным местом их пребывания, там они находились почти постоянно, лишь изредка совершая небольшие вылазки по участку.

— Соня, Сёма! — как только раздавался этот клич, птенцы наперегонки летели к крыльцу дома, предвкушая скорую кормёжку.

Перед самым крыльцом они приземлялись и на длинных тоненьких лапках с цепкими коготками, раскидав по сторонам крылья, что-то крича на своём птичьем языке, спешили полакомиться. Наполнив маленькие желудки, Соня и Сёма всегда делали припасы на чёрный день, пряпывая пропитание в щели деревянной дорожки, а потом благополучно про него забывая. Значит, чёрных дней просто не было в их цветущей жизни — такой напрашивался вывод.

После кормления и короткого отдыха сорочата копошились на участке возле нашего дома, а ближе к вечеру, когда наступали сумерки, откликаясь на зов, прилетали к вольеру, размещались в нём на ветках с высохшей и пожухлой листвой и, закрывая маленькие глазки-бусинки, отходили ко сну. Первое время на ночь мы притворяли за ними дверь вольера, чтобы воспитанники оставались в полной безопасности, а по утрам кто-то из домашних выпускал уже бодрствующих пернатых на кормёжку и прогулку.

Соня и Сёма быстро привыкли к такому распорядку, но, просыпаясь по утрам с первыми лучами солнца,

гораздо раньше своих воспитателей, по всей видимости, считая нас неисправимыми лежебоками, каждый раз высказывали свои претензии по поводу нашего позднего появления. После нескольких таких проработок мы перестали закрывать двери вольера, и воспитанники могли самостоятельно из него выбираться. Однако такой широкий жест с нашей стороны совершенно не был оценён пернатыми.

По утрам, когда у Сони и Сёмы кончалось терпение, а никто из кормильцев не выходил на улицу, они начинали настойчиво стучать маленькими клювиками в окна дома, призывая нас к совести. Чаще всего такое случалось в выходные дни, когда домочадцам хотелось понежиться поутру, но Соня и Сёма категорически не понимали такого поведения и не могли себе позволить подобное — у них каждый день был рабочим.

Весь шквал птичьего возмущения и негодования доставался тому, кто первым отважился выйти на улицу.

Стоя на крыльце и энергично размахивая крыльями, подобно экспрессивным деревенским особам, сорочата, не стесняясь в выражениях, в два голоса кричали всё, что думают о нас. Если перевести с птичьего на обычный человеческий язык, то звучать это могло бы примерно так. «Форменное безобразие! Да как же такое возможно?!» — первым затягивал волынку Сёма. Следом, с некоторой весьма незначительной паузой, вступала скромная Соня, вежливо отдавая пальму первенства своему братцу: «Лежебоки несчастные! Вам бы только дрыхнуть!» Ну а дальше без соблюдения очерёдности, как у кого получится: «Совсем о нас не думаете!» — «У всех родители как родители, за что же нам такие достались?!» И т. д. и т. п...

Если первым выходить на растерзание к голодным сорочатам доводилось мне, то прервав гвалт птичьих возмущений словами: «А ну-ка тихо!» — во время секундной паузы я успевал вложить в широко раскрытые клювики страдальцев кусочки пищи.

Через какое-то время недовольство Сони и Сёмы сходило на нет, они насыщались, становясь добрыми, и, сделав необходимые запасы «на потом» между пальцами моих ног, чтобы не нужно было далеко бегать, прикрыв свои маленькие чёрные глазки, смиренно засыпали кто на плече, кто на коленке.

Остальные домочадцы, увидев такую безоблачную идиллию, откровенно завидовали. Особенно это чувство проявлялось у Ирины, она смотрела на меня заискивающим взглядом:

— Пап, дай я подержу!

Радости дочери не было предела, когда спящие Соня и Сёма оказывались у неё на руках. Чуть дыша, она сидела на стуле, охраняя сон сорочат, ставших в короткое время такими любимыми и полноправными членами нашей семьи.

Как мы ликовали, наблюдая каждый день за растущими птенцами, набирающими силу и становящимися на крыло, радовались, когда они, откликаясь на зов: «Соня! Сёма!» — слетали с макушки высокой сосны, устремляясь к нам под тревожный стрекот недоумевающих взрослых сородичей, случайно оказавшихся поблизости и предупреждавших молодняк о грозной опасности. Сорочата, полностью нам доверяя, игнорировали предостережения, вызывая нарастающую волну стрекота, перераставшего в короткие автоматные очереди.

Птичья жизнь и жизнь человеческая, доселе протекавшие параллельно, по воле случая в один момент пересеклись, открывая нам много интересного и любопытного, наполняя обыденность новым смыслом и вселяя в наши сердца привязанность и любовь к пернатым соседям. Если раньше нам казалось, что все сороки, вороны и другие окружающие птицы в своём семействе совершенно одинаковы, то сейчас, тесно общаясь с нашими воспитанниками Соней и Сёмой, мы отчётливо видели, что при кажущейся одинаковости какие они всё-таки разные и в характере, и в манерах, и в поведении.

Сорочата, осваивая новые территории, отлетали всё дальше и дальше от вольера и от излюбленной решётки в малиннике, отчего закрадывалось предчувствие, что не за горами день расставания. И этот день, конечно же, наступил, но не по вине выросших пернатых, а чисто по нашей вине.

После возвращения в середине июля с короткого отдыха на солёных озёрах Хакасии мы больше никогда не видели Сою и Сёму. Расспросы, учинённые сыну,

оставленному дома в качестве опекуна пернатой живности, ни к чему не привели. Увлечённый футболом и по этой причине категорически отказавшийся ехать с нами на озёра, чтобы не пропускать игры с пацанами дворовой команды, он сам забывал про завтрак, обед и ужин, а не то что про кормление каких-то птиц.

Несколько дней мы ещё пытались отыскать сорочат в окрестностях нашего дома, но всё было безуспешно. Сорочки, которых мы подзывали, окликая по именам: «Соня! Сёма!» — посмотрев на нас удивлённо, не удостоив ответом, предпочитали побыстрее удалиться.

Так внезапно закончилась наша короткая история птицевладельцев, так же внезапно, как и началась. Правда, потом я ещё долго оборачивался на стрекот сорок, надеясь увидеть своих воспитанников, — до тех пор, пока не потерял последнюю надежду.

Как сложилась ваша судьба, Соня и Сёма? Надеюсь, что всё у вас хорошо, что, повзрослев, стали вы заботливыми родителями и, обучая своих птенчиков премудростям птичьей жизни, вспоминали о тех, кто полюбил вас всем сердцем.